

Современные проблемы народов региона

Е.В. МИСЬКОВА

“БИЧЕВАНИЕ” КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ И ПРОБЛЕМА ТРАНСФОРМАЦИИ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СЕВЕРНЫХ АБОРИГЕНОВ В XX ВЕКЕ

В толковом словаре живого великорусского языка В. Даля в самом конце статьи, объясняющей значение слова “бичевать”, встречаем переносное значение слова “бич”: всякое бедствие, постигающее общину или странуⁱ.

Среди аборигенов Сибири в широкое употребление слово “бич” вошло довольно поздно – в кон.60 - нач.70-х гг. нашего века.

Юра Вэлла, поэт, житель села Варьеган Нижневартовского района Ханты-Мансийского округа, оленевод, приблизительно в те годы вернулся из армии и, впервые услышав это слово от молодых односельчан, поначалу никак не мог понять его смысл. Юра предполагал, что бичевать как-то связано со старым русским понятием “ходить бечевой”, тянуть лямку, но какое это имело отношение к жизни в Варьегане, не понимал. Позже его друг, Айваседа Андрей Мателевич, с гордостью сообщивший Юре, что, пока тот был в армии, он бичевал в лесу, расшифровал аббревиатуру БИЧ как “бывший интеллигентный человек”. “Бичевать” значило, по его мнению, ничего не делать, т.е. не работать, и жить в лесу в свое удовольствие, охотиться и рыбачить для себяⁱⁱ.

Неслучайно это слово прижилось в поселке в 70-е гг., время активного прибытия на Север людей с “материка”, время активной разработки нефтегазовых месторождений. К этому моменту ни колхозных, ни частных оленей в этих местах почти не осталось. Колхозное стадо коров, для которых в детстве Юра возил на оленях сено, тоже перестало существовать. Постепенно

Миськова Е.

приходила в запустение звероводческая ферма, за чернобурок, выращенных на которой, до войны получали медали на ВДНХ в Москве. Не было уже своего аэропорта и радиосвязи. “Центр цивилизации” сместился в сторону нового большого поселка нефтяников. В это время единственно престижной специальностью стала специальность охотника, числящегося в Варьеганском отделении Охтеурского Госпромхоза. Борьба со стойбищным существованием как с отсталым образом жизни к тому времени декларативно завершилась, увенчавшись успехом.

Тот, кто отрывался от коллектива – охотников, рыбаков, кочегаров, рабочих лесопилни, сотрудниц пошивочной мастерской, воспитателей и педагогов детского сада и школы – и проводил время в свободном занятии рыбалкой и охотой в лесу, коллективом нещадно клеймился как тунеядец, изгой и бич общества. Жена Ю. Вэллы говорит, что, как и все остальные жители Варьегана, она считала тогда, что в лесу живут те, кто не хочет и не любит работать.

В это время профессиональные охотники, выслеживавшие зверя в лесу в охотничий сезон, не рыбачили в полном смысле этого слова, а ставили “бичевские запоры”, а профессиональные рыбаки делали себе для охоты “бичевские избушки”. Основная характеристика таких ловушек и такого жилья – их временность, неосновательность, поспешное и некачественное исполнение.

Разведение традиционных видов деятельности по разным государственным министерствам и ведомствам и тем самым разрушение хозяйственного комплекса, которое отметил А. Головневⁱⁱⁱ, и подконтрольность человека рабочему коллективу не только профессионально, но и в частной жизни, которую вычленил Д. Андерсон^{iv}, эти две характеристики полностью описывают социально-экономическую ситуацию на р. Аган в 70-е-80-е гг.

В это время бич – это буквально тот, которого, сколько не корми государство в коллективе, все в лес смотрит. Общеупотребительность этой русской поговорки на Севере в среде пришедших бюрократов по отношению к абригенам отметил в своей диссертации Ссорин-Чайков, рассуждая об особой социальной структуре, которую создала советская власть – “большая семья” рабочего коллектива^v. Бич – это человек, который способен на какое то время выпасть из социалистического быта, за устройство которо-

“Бичевание” как образ жизни

го на месте отсталого и кочевого боролись отцы и деды, это темное пятно на рабочем коллективе.

В 90-е трактовка этого понятия довольно резко меняется. По-прежнему, морды, которые ставят на речках нигде не работающие и не стремящиеся работать, а только получающие пособие по безработице и компенсации от нефтяников молодые люди, называют бичевскими. Но само это понятие проецируется теперь в прошлое, делается фокусом ретроспекции. Среди бичей оказываются отцы и деды.

Младший брат Юриной бабушки – Айваседа Ханя – был первым коммунистом и депутатом Окружного совета от Варьегана. По словам Юры, он очень подходил для этой роли, поскольку был бедным и ленивым – настоящим бичом. Начальству особенно нравилось то, что по приезду на сессии совета в ответ на вопрос, как люди живут в Варьегане, Ханя с трибуны задирал подол малицы, одетой на голое тело и показывал худой живот: вот как живем, бедно и правильно. Когда в Варьеган прилетел первый вертолет с геодезистами и картографами, за консультациями по ненецкой топонимике обратились к самому “уважаемому и умному” человеку, депутату Хане. Он дал много названий, но многого не знал и потому еще больше перепутал. В частности, он перепутал названия некоторых речек: речку, которая протекает рядом с зимней стоянкой Юриной семьи, и по названию которой Юра назвал свое стойбище – Стойбище на Тюй-тяхе (Коряжной речке) Ханя назвал Тытап-тяхой –Кедровой речкой.

К общепринятому мнению о том, что в этой хантыйско-ненецкой этнокультурной зоне, ненцы быстрее и легче приспосабливались к советским социально-экономическим реалиям, Юра добавляет свою трактовку перевода фамилии Айваседа. Лесные ненцы Айваседа всегда были бедными оленеводами, это было одной из причин, почему именно в их среде искала укрытие бежавшая от преследования после Казымского восстания семья Вэлла, к которой принадлежал дед Юры. Кулаками-торговцами на Агане считались ханты Казымкины. В Юрином переводе Айваседа значит не “безголовый”, как принято считать, а “паршивоголовый” в смысле неимущий, плохо питающийся и оттого плохо выглядящий. После компании ликвидации кулачества как класса именно паршивоголовые выдвинулись и заняли позиции. Но ни

Миськова Е.

один Айваседа не дает сейчас такой трактовки своей фамилии, считая ее оскорбительной.

Говоря о том, что детство его было “безоленным”, Ю. Вэлла называет своего отца обыкновенным варьеганским бичем. Оленей у него не было, он работал в колхозе и страдал, увы, распространенным недугом – алкоголизмом. Прадеда Анета вообще, по мнению Юры, стоило бы поколотить за то, что он был первым человеком в этих краях, который умер от пьянки, проторил эту пагубную дорожку. Жизнь отца оборвалась трагически: он покончил с собой. Вез колхозные деньги из Сургута в Варьеган и по дороге то ли потерял их, то ли купил на них водки, то есть лишился казенных денег. Но Юра считает, что окончательно в тупик завело его даже не это обстоятельство, а то, что в довершение злоключений он использовал ткань, оставшуюся на святом месте после обряда в качестве портянок.

Несчастье, произошедшее недавно с двоюродным братом Юры – Петром Вэллой (тот совершил преступление и был приговорен к тюремному заключению), Юра связывает с тем, что Петр незадолго пренебрег духовной зависимостью от своего культурного прошлого. Чтобы освободить место для постройки нового дома, Петр разобрал и бросил старинный лабаз на соседней территории Варьеганского музея под открытым небом. Этот лабаз Юра перевез с одного из старых, оставленных людьми стойбищ, и Петр вместе с другими мужчинами “стучал бубном”, освещая место для людей и духов, – таким задумывался музей.

Как видим, к прежним характеристикам бича, таким, как пьянство и тунеядство, добавились совершенно новые – безоленность и святотатство.

Все они в совокупности описывают фигуру человека, утратившего особые культурные навыки и культурные корни, т.е. фигуру временщика. В таком качестве выступает в современном сознании поселкового жителя и советский начальник недалекого прошлого, как правило, представитель пришлого населения.

Недалеко от зимнего стойбища Юрия есть озеро, которое называют в семье Бороды-озером. На нем жил когда-то русский мужик по прозвищу Борода. Там до сих пор сохранился остов его “бичевского” шалаша. После он уехал дальше колесить по стране. Как-то по дороге к этому озеру Юра объяснял мне:

“Бичевание” как образ жизни

- Здесь ведь какой выбор? Или надо работать, пахать, даже в тех же нефтяных цехах, или воровать. Те, у кого не получается ни то ни другое, прибиваются к национальным поселкам и становятся там начальниками. Мы их сами сразу же над собой ставим. У нас такая психология: все передовое приходит со стороны. Сколько бичей мы над собой начальниками возводили – не сосчитать!

Обратимся теперь к позиции этнографической науки по отношению к люмпенизированному образу жизни аборигенов, который в Варьегане называют бичевским. Проблема маргинализации аборигенного населения северных поселков связывается российскими исследователями с вытеснением его представителей из управленческой сферы социальной жизни и лишением их доступа к наиболее престижным рабочим местам пришлыми кадрами. Этот процесс привел к люмпенизации значительной части коренного населения. Можно сказать, что за годы так называемых демократических перемен этот процесс усугубился в результате исчезновения самих рабочих мест^{vi}.

Мне же хочется в этом докладе обратить внимание на то, что этот процесс был подготовлен всей предыдущей политикой советской власти по стимуляции оседания различных малочисленных этнических групп в крупных поселковых образованиях и созданию социалистического быта. Я хочу доказать, что маргинализация аборигенов в поселках явилась следствием политики маргинализации самого жизненного пространства малочисленных народов, осуществлявшейся в ходе советского землеустройства и перевода кочевых и полукочевых групп на оседлость.

Эта политика увенчалась созданием островов национальных окраин, отделенных от “большой земли” и открытых для освоения, внутри которых возникли экзотические островки национальных поселков.

Разумеется, слово “бич” было импортировано с большой земли потоком строителей нефтегазового комплекса. В одной из недавних публикаций этой категории в ментальности человека северного города противопоставляется категория строителя. Последний по своим качествам сравнивается с образом киплинговского колонизатора, а фигура бича, страдающего социальным инфантилизмом, потребительством и бесплодным романтизмом,

Миськова Е.

приравняется к образу жулика из романов О'Генри^{vii}. Однако почва для возникновения такого социального персонажа начала возделываться задолго до промышленного освоения.

Маргинализации аборигенного населения внутри поселков предшествовал процесс маргинализации жизненного пространства аборигенов как такового. Для меня российская колонизация северных территорий – это и есть история поэтапной маргинализации инородцев. Ее преемницей стала советская политика и, пользуясь определением Анны Л. Цин, этнография социальной маргинализации аборигенного населения Севера и Сибири^{viii}. Первая характеризовалась административным, конфессиональным и правовым разграничением государственных и догосударственных образований в рамках Российской империи, а вторая – национальным и территориальным размежеванием на национальных окраинах. Советская маргинализация, сопровождавшаяся поэтапной миграцией на Север населения из центральных регионов страны с обвальным притоком в годы бума промышленного освоения, превратила Север и территории, приравненные к Северу в подобие огромных островов, изолированных от “материка” или “большой земли” суровыми природными условиями и “безлюдными” пространствами.

Сама проблема трансформации традиционного жизненного пространства, как его оформления, так и осознания, входит составной частью в общую проблематику культурных изменений. В российской этнографической литературе понимание жизненного пространства то отдается на откуп исследователям исключительно материальной сферы культуры и идентифицируется как традиционное расселение и быт изучаемых сообществ, то представляется как мировоззренческая особенность представителей традиционных сообществ, то как среда, отношения с которой регулируются традиционной соционорматикой, например, традиционной экологической этикой. Но возникает особая необходимость в комплексном изучении этих факторов, когда мы имеем дело с проблематикой современной трансформации образа жизни, переходного периода. В данном случае действительно приходится говорить не об экономике или духовном наследии, традиции как таковых, а политической и культурной экономии, как на это указывают М. Буравой и К. Вердери^{ix}.

“Бичевание” как образ жизни

Сегодня сохранение культуры представляется в аборигенном сообществе эквивалентным усилиям его представителей по удержанию себя в рамках традиционного жизненного пространства. Если в советский период изменение жизненного локуса носило характер его маргинализации, сжимания, то за последнее десятилетие оно приобрело характер *перехода* прежних территориальных границ и границ в индивидуальном и общественном сознании. В 70-е-80-е гг. называлась “перспективной” тенденция выхода представителей различных народов за пределы деревень в крупные города своего и других регионов^x. Теперь появилась тенденция выхода в противоположную сторону – таежные и тундровые пространства, не имеющие в отличие от поселков и городов санитарной зоны, отделяющей мир человека от мира природы.

Если взглянуть на историю этой проблемы в 20 веке, можно отнести трансформацию жизненного пространства и его восприятия к быстрым культурным изменениям, поэтому важен исторический контекст таких изменений.

Таким контекстом мне видится история научной концепции, политика и практика перевода национальных окраин на оседлость.

Концепция оседания потребовала особого внимания исследователей и практиков социалистического строительства на завершающем этапе коллективизации и землеустройства, т.е. в 50-60-х гг. Но, как и на начальном этапе своей разработки – в кон.20-х-30-е гг. она не была детально проработана в прикладной науке и служила рационализацией последовательного процесса советского землеустройства апостериори.

Официально землеустроительный проект был представлен жителям, например, Ханты-Мансийского округа в 1933 г. Он предусматривал “ликвидацию вотчинного порядка землепользования и закрепление промысловых угодий на новых началах за трудовым национальным населением”^{xi}. Но подготовка к проекту проводилась задолго до этого момента, и впоследствии земле и водоустройство на Севере производилось с кон.20-нач.30-х гг. вплоть до начала промышленного освоения практически постоянно. Происходил грандиозный передел земли и собственности и перетасовка населения. На территории Ханты-Мансийского округа эти работы проводились по следующим этапам:

Миськова Е.

1933-1939 – закрепление промысловых угодий за различными промысловыми артелями.

1939-кон.40-х – стягивание мелких поселков, создание простейших кооперативных и промысловых объединений, начало устойчивого землепользования национальных колхозов.

1951-1952 – закрепление за колхозами охотничьих угодий. Начало процесса слияния мелких колхозов. Землеустроительные работы в Березовском и Сургутском районах, имеющие задачей правильное распределение пастбищ и их расширение за счет создания новых путем осушки болот, подсева трав и ягеля.

1957-1958 – площади опромышляемых территорий поделены между хантыйскими семьями так, чтобы зимние юрты располагались на расстоянии в 10-20 км друг от друга.

Политическая линия властей поначалу была не очень устойчива и расплывчата: от коллективизации к оседанию или через оседлость к колхозам и социализму казалось не суть важным, лишь бы быстрее. Объяснение этому среди других причин имело недостаток сведений о расселении и численности северных народов. В работах исследователей 30-х гг. утверждалось, например, что наличие бессильных в политическом плане родовых советов обуславливалось недостатком сведений о расселении северных народностей и тормозило процесс классового расслоения, поскольку старшинами и председателями их зачастую являлись местные богачи, как правило, крупные оленеводы, которые имели налаженные связи с торговыми организациями и факториями.

С момента создания в 1924 г. Комитета Севера перед исследователями, отправляемыми на Север, ставились задачи по сбору основных материалов касательно жизни северных народов в следующем порядке (по убыванию степени важности): расселение, численность, хозяйство, культура и быт^{xii}. С особой интенсивностью исследования проводились в 1925-1931 гг. У ненцев в это время работали Чернецов, Котовщикова, Старцев, у хантов – Старцев. В 1926-27 гг. была проведена Приполярная перепись, которая, как отметил А.Н.Гулевский, одной из основных задач ставила выявление социальной структуры северного населения в заранее заданной позиции эксплуатируемый - эксплуататор. “При чем, априори подразумевалось, что оседлые – хозяйства, использующие чужой неоплаченный труд, а кочевники – отчасти эксплуатируемые труженики.”^{xiii}.

“Бичевание” как образ жизни

Приполярная перепись довольно условно поделила северные народы на оседлые и кочевые. В частности, сама категория оседлых-полукочевых-полуоседлых не была проработана и обоснована. Ее наличием лишь формально отменялось сословие бродячих инородцев, закрепленное Уставом об управлении инородцев 1822 г. Ханты, манси и селькупы, например, как свидетельствует, из анализа переписи, который провел Гулевский, были отнесены к “оседлым” за счет зачастую приусадебного содержания ими транспортных и охотничьих оленей^{xiv}. Деление было формальным потому, что подошли к нему с самых общих позиций ведения кочевого скотоводческого хозяйства: у кого большее количество скота - оленей – кочевые, у кого меньшее – оседлые или полукочевые. Кочующие промысловики – ханты, манси и лесные ненцы были записаны полуоседлыми. К эксплуататорским элементам отнесли крупных оленеводов, владеющих несколькими сотнями транспортных оленей, обеспечивающих им все возможности для длительных перекочевков. Малооленные хозяева посчитали вынужденными присоединяться к крупным оленеводам в качестве пастухов. “В противном случае им приходится переходить на оседлый образ жизни, не сулящий, в особенности в первые годы жизни, хороших перспектив...”^{xv}.

Обращаясь к Приполярной переписи, мне хочется обратить внимание на противоречивость и неопределенность подхода властей и ученых в первые годы советской власти к кочеванию как образу жизни. Оплотом классово чуждого элемента на Севере объявлялось крупное оленеводство, обладавшее большим потенциалом для ведения кочевого образа жизни. Одновременно малоомощные хозяйства с небольшим количеством транспортных оленей и ограниченными возможностями для кочевания попадали в категорию угнетаемых. При этом оседлыми считались богачи и кулаки, а вынужденные кочевать – эксплуатируемыми. И тут же в оседлые были записаны кочующие малооленные промысловики таежной зоны – ханты, манси, лесные ненцы, селькупы, а тундровые оленеводы – в кочевники. Кочевой образ жизни назывался отсталым по сравнению с оседлым и, одновременно, переход на оседлость признавался связанным с утерей оленей и обнищанием. Официально признавалось, что в 30-е гг. нередко были случаи стихийного оседания целых территориальных групп

Миськова Е.

населения в результате обеднения, которые при малейшем изменении ситуации вели к рецидиву кочевания^{xvi}.

Это противоречивое отношение к кочевому образу жизни позднее нашло несколько курьезное, на наш взгляд, отражение в научной литературе. Сергеев в своем капитальном труде писал о том, что внутреннее помещение жилища кочевников – это антисанитария, грязь, темнота, скученность, спертость воздуха, усугубляющая перечисленные выше отвратительные условия жизни^{xvii}. А в статье Васильева, Симченко и Соколовой 1966 г. в СЭ, посвященной проблемам перехода северных народов к оседлому быту, учеными в ряду других сложностей трансформации привычного образа жизни была отмечена трудность привыкания к стационарному жилью, в котором бывших кочевников донимали грязь и спертость воздуха^{xviii}.

В 20-х гг. ученые-приверженцы концепции органического социализма у народов Севера, члены Комитета Севера, предлагали положиться на зачатки коллективизма в хозяйстве и сознании малочисленных этносов и на этом основании форсировать колхозное строительство, борясь с привнесенными извне элементами патриархально-феодальных и капиталистических отношений.

На 9 Пленуме Комитета Севера основными задачами были провозглашены укрепление райисполкомов, сельских и кочевых советов, выход их из-под факторий союзушники, рыбтрестов, лавок интегралкооперации^{xix}. Эта попытка эмансипирования органов советской власти и самоуправления на местах от торговых и снабженческих организаций привела к превалированию заготовительной политики^{xx}. В обязательствах одного из производственных объединений было записано: “поставить ореха, сколько хватит сил”. Планы по сдаче рыбы ежегодно занижались, но тем не менее не выполнялись, поскольку оставались нереальными. В результате товарность производственных объединений и родовых колхозов увеличивалась за счет снижения потребления населением добываемого сырья^{xxi}.

С 1933 г. стали создаваться кочевые и сельсоветы, которые отражали в себе территориальные группировки населения с учетом классово-выдержанного состава. Ограничение и вытеснение кулака на Севере происходило путем проведения твердых заданий по сдаче продукции, недопущения кулаческих элементов в

“Бичевание” как образ жизни

колхозы и кооперативы и, что наиболее важно, перераспределения промысловых угодий.

Установка Комитета Севера первоначально была такой – через коллективизацию и обобществление труда – к оседлости. Это был основной идеологический лозунг передела земли, провозглашенный Комитетом Севера^{xxii}. Задача оседания виделась как “задача увеличения производительных сил Крайнего Севера, уплотнения бюджета времени кочевников, расширения комплексного кочевого хозяйства новыми видами труда...”^{xxiii}. Создание новой властью нового дисциплинарного пространства шло полным ходом. Выполнению программы культурной самоорганизации северных народов на основе нового социалистического быта должны были способствовать создаваемые на Севере культбазы. В частности, печально известная Казымская культбаза, включавшая в себя больницу, туземный дом, ветпункт и огород, была призвана в самый короткий срок вовлечь остяков – “этих пасынков природы и культуры”, как писал Е.Кантор, в строительство новой жизни^{xxiv}.

Однако, уже в середине 30-х гг. практикам на местах стало ясно, что общественное землепользование национальных колхозов не сложится до тех пор, пока в результате кочевого и полукочевого образа жизни существует территориальная разобщенность национальных хозяйств. В 1958 г. главный землеустроитель Ханты-Мансийского национального округа В.Г.Балин писал:

- Названия отдельных урочищ, рыболовных угодий, охотничьих участков (по-местному “тесов”) и сейчас еще сохраняются по имени своих прежних владельцев, вот до чего крепки в сознании национала вековые принципы землевладения. Лишь переход к оседлому образу жизни национальных хозяйств, начавшийся в округе с 1939 г., положил начало устойчивого землепользования национальных колхозов и полного использования естественных богатств округа в интересах развития общественного хозяйства колхозов^{xxv}.

В большом сборнике “Народы Сибири”, вышедшем в свет в 1956 г., утверждалось, что в середине 30-х гг стягивание мелких поселков началось по инициативе колхозников^{xxvi}. Выяснилось различие в социальном содержании процессов оседания в дореволюционное время и в советскую эпоху. В дореволюционное

Миськова Е.

время эти процессы были следствием разорения, потери оленей, обнищания, в колхозное время – следствием более интенсивного и широкого использования природных ресурсов. Правда уже через десять лет, когда, непосредственно в преддверии промышленного освоения, наступило время больших научных и политических концепций, таких, например, как концепция сплошного хозяйственного освоения неземледельческой в своей основе зоны или концепция этнического замещения представителей одного народа другим^{xxvii}, этнографами был вынесен окончательный вердикт: теория оседания не должна восприниматься как основа для коллективизации и построения социализма на Севере^{xxviii}. Временем господства такой теории были названы 30-е гг, хотя, справедливо говорить в данном случае лишь о самом конце этого десятилетия. Постепенно была доказана “несостоятельность подхода к проблеме оседания как самодовлеющему средству ликвидации хозяйственной и культурной отсталости”^{xxix}. Переход на оседлость стал видаться логическим завершением и следствием коллективизации.

Все эти утверждения делались в соответствии с политической и научной стратегией советского времени, которую Ссорин-Чайков охарактеризовал как привычку относить проблемы, порожденные советской экономической политикой, к некоему мифическому “дореформенному времени”^{xxx}. В то время – 60-е-1 пол.70-х гг – когда проходила самая последняя и грандиозная компания по укрупнению поселков и созданию совхозов и госпромхозов, ученые писали о том, что процессы оседания в 30-е гг. были неправомерно самодовлеющими и не увенчались успехом из-за незавершенности этапа обобществления труда.

Процесс создания коллективной собственности в условиях промыслово-оленьеводческого хозяйства и политика перевода на оседлость взаимно обуславливали друг друга и способствовали последовательной маргинализации жизненного пространства аборигенов или отчуждению их от обжитой ими земли.

Коллективная собственность северных колхозов начинала складываться из приобретаемых артелями и ППО орудий труда и промыслов, строительных материалов и т.п., именно эта социалистическая подвижность и неподвижность становилась средством прикрепления аборигенных семей к центральным усадьбам колхозов. Землю на Севере особенно сложно было “отдать” народу.

“Бичевание” как образ жизни

Ее, как и везде, надо было сначала объявить ничьей, но в местах, где не было дворянских уделов и помещичьих владений, милостью новой власти объявить территории ничейными оказалось очень трудно. Это были не просто обрабатываемые куски земли, это были пространства, на которых кочевали люди и животные, больше, чем просто домашний скот, животные, являющиеся посредниками между культурной средой человека и природной средой^{xxxі}. Без оленя невозможны перекочевки, олень имеет не только значение транспортного средства, он – мерило человеческой возможности пользоваться своей землей и передвигаться по ней. Наличие на той или иной территории домашних оленей – знак ее обжитости, присутствия на ней людей. Чтобы сделать эти земли открытыми для освоения и перераспределения, т.е. ничьими, движение по ним надо было прекратить, а животных, которые в прямом и переносном смысле служили человеку мостом между человеческим и природным мирами, приравнять к домашнему скоту. Превращение северного оленя в коллективную собственность стало новым, социалистическим этапом domestikации этого животного. Посредническая функция оленя в мировоззрении северных народов упразднилась. Но, как часто выражаются аборигены на Севере, олень – это не корова. Как только он перестал быть транспортом в кочевом пространстве, он стал мясом и начал быстро “съедаться”, исчезать. В Ханты-Мансийском национальном округе многие колхозы в 30-е-40-е гг. очень быстро утратили свои стада, занялись молочным животноводством и клеточным звероводством, получив земли при центральной усадьбе для огородничества. Другие, избранные, получили во владение искусственно сколоченные, гигантские олени стада и пастбища для них.

Скачко в своем докладе на 10 Пленуме Комитета Севера указал на то, что поголовье оленей на Севере сократилось к 1934 г. с 1926-27 гг. на 600 тыс. голов, т.е. на 35%^{xxxіі}. В том же номере журнала Советский Север, в котором была опубликована стенограмма речи А.Е.Скачко, была напечатана статья Кантора о северном оленеводстве, в которой состояние оленеводства на тот момент автор характеризовал исключительно в негативном ключе: резкое снижение поголовья оленей, особенно значительная убыль в единоличном секторе. Данные различных исследований показывают, что в конце 20-х гг. нашего века поголовье таежных оленьих стад было весьма значительным, и ареал оленеводства

Миськова Е.

проходил много южнее нынешней границы^{xxxiii}. Березовский и Сургутский уезды Тобольской губернии по числу оленей и ездовых собак превосходили все остальные в губернии^{xxxiv}. Однако, в конце 20-х гг. поголовье резко упало и в этих уездах. В целом на Севере “в разгар революционных перемен в 1933 году оставалось лишь 60% прежнего поголовья.

Кон. 60-х-80-е гг. – время, когда в Варьегане вошло в употребление слово “бич” – на маргинализацию аборигенного пространства стали работать две концепции и два явления – оседание и освоение. Пришедшая на смену концепции очагового транспортного освоения Севера идея сплошного хозяйственного освоения неземледельческой зоны практически подытожила все прежние землеустроительные усилия. Национальные поселки стали своеобразным пограничьем между пространством пришлого и коренного населения округа. С одной стороны, волна переселенцев, связанная с активной разработкой газовых и нефтяных месторождений в 60-е гг., оседала в крупных нефтяных поселках и городах и воспринимала национальные поселки как экзотические заповедники чужого образа жизни, с другой, в этих национальных поселках проживало довольно многочисленное русское население, осевшее здесь за годы коллективизации.

Создание и укрупнение национальных поселков – яркий пример политики, которую сейчас назвали бы средовым регулированием – сбалансированием различных – нормативно-правовых, экономических, социальных, национально-этнических, культурно-исторических и других компонентов среды на уровне регионального малого^{xxxv}. В рамках этих локальных территориальных образований предполагалось сбалансировать все отношения и связи, которые только были возможны и доступны аборигенной среде: традиционный хозяйственный комплекс с экономикой производящего хозяйства в оптимальном природном окружении (выбирались такие места, в которых по расчетам специалистов из различных областей знания можно было бы заниматься и охотой и рыболовством, и огородничеством, и полеводством, и молочным животноводством). Решались проблемы занятости, социального обеспечения, образования и здравоохранения коренного населения и, одновременно, высвобождались большие территории под промышленное освоение регионов.

“Бичевание” как образ жизни

К 1958г. промысловые угодья были распределены между хантыйскими семьями с таким расчетом, чтобы расстояние между ними составляло 10-20 км, но на этих землях вскоре уже не жили, на них стояли лишь госпромхозовские охотничьи избышки. В одной из таких избышек, которую Ю. Вэлла перетащил с верховьев Сабуна, где был его охотучасток, они с женой, переехав в лес, по их словам, год бичевали на стойбище Аули Кольчевича Иуси. У них были уже свои олени, которые паслись в стаде Аули, но у них не было еще своего дома в лесу.

Политика укрупнения превратила поселок в форпост пустых земель, “куда не ступала нога человека”. Его создание узаконило то представление о здешнем пространстве и территории, которое укладывается в доктрину *terra nullius*: представление о ничьей территории, ничьей земле, ожидающей своего освоения. По одну сторону от поселка, связанного дорогой с более крупным населенным пунктом оказалась промышленная цивилизация, по другую – безлюдные просторы тайги или тундры, в которые уходили только следы оленьих упряжек, а позднее – снегоходов.

Таким образом завершающий этап обобществления и коллективизации, который привел к созданию промыслово-оленоводческой отрасли госсектора экономики, тоже не был самодовлеющим, а обуславливался политикой форсирования оседания как подготовкой к активному промышленному освоению.

Результатом всех этих государственных манипуляций с пространством стал не только создание национальной разметки северных территорий и прозрачного объекта управления – представителя какого-либо коренного малочисленного народа, но и формирование в аборигенной среде так называемого экологического сознания. Нерасторжимое единство и зависимость от природы – с оценочной позиции замечательные характеристики поведения и образа жизни, но они всегда маскируют стремление огородить и захлопнуть пространственный резерват, желание утвердить колонизаторское представление об идеальном прошлом человечества. Западные люди, по словам М.Сайлинса, единственные, которые верят, что они произошли от дикарей в то время, как все остальные полагают, что они произошли от богов. У нас есть и фольклор и наука об этой идее, которые иногда мало чем отличаются друг от друга^{xxxvi}.

Миськова Е.

Однако, я ни в коем случае не хочу сказать, что современное экологическое сознание – это плохо. Напротив, показав его корни в советской политике перевода на оседлость, я хочу отметить, что сегодня оно имеет одну явно положительную черту – стремление к переходу пространственных границ и установлению разных перспектив на проблемы аборигенного образа жизни.

В частности, возникло две перспективы люмпенизации – поселковая и стойбищная. Поселковая перспектива люмпенизации дополнилась стойбищной. Для жителя поселка бич – это пьяница и тунеядец, наостряющий в лесу бичевский запор, для стойбищного жителя бич – это поселковый пьяница и безработный, потерявший всякое представление о том, что значит быть ненцем, хантом и т.д. Бич сегодня – это почти всякий, кто сидит в поселке, не имеет оленей и дома в лесу.

В поселке Нумто на границе двух округов – Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского – сейчас, вследствие его изолированности, существует дефицит ненецких невест. Туда выходят замуж многие молодые женщины из Варьегана. Общее мнение в Варьегане: нумтовцы забрали к себе много варьеганских бичух, не имевших здесь работы и достойных человеческих условий жизни. Часто люди добавляют, что там они станут нормальными женщинами, поскольку там есть шанс жить с оленями и научиться тому, что должна уметь делать ненка или хантыйка.

Обращение к культурно специфическому знанию и навыкам мыслится как панацея от бичевания. Возникает стремление восстановить связь с пространством вне поселка, освоить его заново, но веками проверенными способами. В связи с этим возрождение оленеводства представляется единственной возможностью установить и опосредовать связь с природой.

Примечания

ⁱ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989, т.1, с.90.

ⁱⁱ Здесь и далее полевые материалы автора, собранные в Нижневартовском районе ХМАО в октябре 1996-июне 1997 и феврале 1998 г.

ⁱⁱⁱ *Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири, с.164.

^{iv} *Андерсон Д.* Тундровики.

^v *Ssorin-Chaikov, N.V.* Stateless society, State Collectives, and the State of Nature in Sub-Arctic Siberia: Evenki Hunters and Herders in the twentieth century. A Dissertation of Stanford University, 1998.

^{vi} См.: Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово, 1992; *Симченко Ю.Б.* Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, №112. М., ИЭА РАН, 1998; Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М., 1995.

^{vii} *Павлов А.В.* Девять тезисов о строителе и биче // Социокультурная динамика ХМАО сегодня и в перспективе. XXI век: федеральные и региональные аспекты, с.49-52.

^{viii} *Tsing, A.L.* In the Realm of the Diamond Queen: Marginality in an Out-of-the Way Place. Princeton University, 1993, p. 8.

^{ix} *Burrawou M., Verdery K.* Introduction. In Uncertain Transition: Ethnographies of Change in the Postsocialist World. 1999, Pp. 1-17.

^x *Стракач Ю.Б.* Сибирский Север РФ (региональные исследования хозяйственного освоения населения и управ 1926-1970 гг.). Автореферат докт. дисс. М., 1976.

^{xi} *Балин В.Г.* К истории землевладения и землепользования у ханты и манси // Краеведческий сборник, №1. Ханты-Мансийск, 1958.

^{xii} *Антропова В.В.* Участие этнографов в практическом осуществлении ленинской национальной политики на Крайнем Севере // СЭ, 1972, №6, с. 19-28.

^{xiii} *Гулевский А.Н.* Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (конец XIX – XX век). Этнографические очерки. М., 1993, с.9-103.

^{xiv} Там же.

^{xv} Там же с.45

^{xvi} *Кантор Е.* Проблема оседания малых народов Севера // Советский Север, 1934, №5, с.6.

^{xvii} *Сергеев М.А.* Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.;Л., 1955.

^{xviii} *Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П.* Проблемы реконструкции быта малых народов Крайнего Севера // СЭ, 1966, №3, с.9-22.

^{xix} *Скачко А.Е.* Основные проблемы социалистического строительства на Крайнем Севере (сокращенная стенограмма доклада Скачко на X пленуме Комитета Севера) // Советский Север, 1934, №3, с.4.

^{xx} *Скачко А.Е.* Указ. раб., с.11.

^{xxi} Там же

^{xxii} *Кантор Е.* Указ. раб., с.4-5.

- ^{xxiii} Кантор Е. Указ. раб., с.3.
^{xxiv} Кантор Е. Казымская культбаза // Советский Север 1933, №6.
^{xxv} Балин В.Г. К истории землевладения и землепользования у ханты и манси // Краеведческий сборник №1, Ханты-Мансийск, 1958, с.38-39.
^{xxvi} Народы Сибири. М., 1956, с.565.
^{xxvii} Сыроечковский Е.Е. Биологические ресурсы советского Севера, проблемы освоения. М., 1974.
^{xxviii} Переход к социализму. М., 1974, с.28.
^{xxix} Там же.
^{xxx} Ssorin-Chaikov N.V. Stateless society, State Collectives ...
^{xxxi} Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург. 1995.
^{xxxii} Скачко А.Е. Указ. соч. с.11
^{xxxiii} Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности..., с.17.
^{xxxiv} Попов Н.Н. Становление экономики Обь-Иртышского Севера в первой трети XX века // Социокультурная динамика ХМАО сегодня и в перспективе. XXI век: федеральные и региональные аспекты, сборник, с. 18, 49-52.
^{xxxv} Лексин В., Андреев Е. Региональная политика в контексте новой российской ситуации и новой методологии ее изучения. М., 1993.
^{xxxvi} Sahlins. Culture and practical Reason, Chicago, 1976, pp. 54-57.